

Восприятие Платона в Советской России (1920–1960 гг.)

Судьба мысли Платона в Советской России, как и судьба многих культурных символов, ассоциированных с дореволюционным миром, была легко предсказуема. Но, несмотря на очевидность финала, реальный процесс превращения Платона в *persona non grata* был все же более сложен и предполагал различные оценки его социально-политической мысли с одной стороны и его теоретической философии — с другой. Проект идеального государства Платона, рассмотренный в качестве далекого прообраза коммунизма, был сопоставлен с марксистской программой построения социальной гармонии и вскоре отвергнут как ретроградный и элитарный. Однако перспективы выживания Платона в ранге «отца идеализма» были долгое время гарантированы его существованием, во-первых, в качестве негативного, но необходимого в советской философии дополнения к материалистической «линии Демокрита», а во-вторых, в качестве бенефициария ряда изолированных попыток реабилитации некоторых аспектов платонизма в позднюю сталинскую и постсталинскую эпохи.

«Государство» Платона в советской утопии

Процесс дискредитации социально-политической мысли Платона не начался сразу после захвата власти большевиками в 1917 г. Наоборот, в период военного коммунизма (1918–1921 гг.) — интеллектуально, вероятно, самой «утопической» фазы советской истории — ссылки на «Государство» Платона имели цель подчеркнуть актуальность первого «коммунистического» проекта для большевистских претензий на построение нового общества. Так коммунизм Платона предстал коммунизмом «для всех» и «экономическим демократизмом»¹. В частности, утверждение Платона, что счастье достижимо через устранение крайних проявлений богатства

¹ Перцев В. П. Социально-политическое мировоззрение Платона / Труды белорусского государственного университета, 2–3. Минск, 1922. С. 50–73.

и бедности, использовалось как доказательство, что греческий философ был одновременно и противником элитарности, и последовательным защитником равенства полов². Издание старых переводов и комментариев к ним, а также новых антологий, содержащих тщательно отобранные места диалога, было направлено на то, чтобы если и не укрепить веру в достижимость целей большевистского проекта, то по крайней мере возбудить к нему энтузиазм³.

Эти ранние оценки актуальности Платона как социально-политического мыслителя оказались, однако, недолговечными, и как только большевики перешли от военного коммунизма к нэпу, оптимистические взгляды эпохи ожидания скорого построения коммунизма уступили место более трезвому — но по-прежнему идеологически ангажированному — изучению прошлого, призванному оправдать настоящее. В соответствии с этим была поставлена задача более «академического» изучения исторического развития социализма, включая его «утопическую» и «научную» фазы, и только после того, как идеи Платона были рассмотрены под увеличительным стеклом марксистско-ленинской теории исторического развития, они были отвергнуты как ретроградные, консервативные и утопические.

Первый сигнал об изменении официального отношения к Платону прозвучал в 1923 г., когда Лениным был издан декрет, предписывающий изъятие из публичных библиотек философских книг, признанных непригодными для свободного доступа. С этого времени изучение Платона и его соратников — Декарта, Канта, Шопенгауэра и Ницше — было ограничено «специализированными исследованиями в академических институтах», оценки в которых целиком зависели от идеологических установок, как они формулировались (и переформулировались) советской наукой на протяжении 1920-х и 1930-х гг. В своей простейшей форме они сводились к насаждению цитат, по случаю извлеченных из работ Маркса,

² Так, А. Рождественский цитировал отрывки о счастье, присутствующем в государственном организме, из седьмой (519) и четвертой (421) книг «Государства». Счастье достигается, когда каждый член общества выполняет задание или играет предписанную ему роль, а крайние проявления богатства и бедности устранены. См.: *Рождественский А.* Положение третьего сословия в государстве Платона // Сборник Ярославского государственного университета. Вып. 1. Ярославль, 1918–1919. С. 35–39.

³ Отрывки из «Государства» публиковались в нескольких антологиях. См., напр.: Древний мир в памятниках его письменности. М.: Госиздат, 1921. II. С. 11–42; III. С. 20–22; V. С. 11, 18; VI. С. 4. *Волгин В. П.* Предшественники современного социализма в отрывках из произведений / Пер. А. И. Рубин, И. Б. Румер, В. С. Сергеев. М. — Л., 1928. II. С. 369–376; III. С. 412–417; IV. С. 419–423; V. С. 451–464. Еще одна попытка перевода была предпринята в рамках проекта «Полного собрания творений Платона» в 15 томах под редакцией «старых профессоров» С. А. Жебелева, Е. Л. Радлова и Л. П. Карсавина (Пг.: Academia, 1923–1929). Однако несмотря на то, что все запланированные тома существовали в рукописях, не все они в результате появились в печати. Изданы были: Т. I («Евтифрон», «Апология», «Критон», «Федон»); Т. IV («Парменид», «Филеб»); Т. V («Пир», «Федр»); Т. IX («Гиппий I», «Гиппий II», «Ион»); Т. XIII («Законы» (кн. I–VI); Т. XIV («Законы» (кн. VII–XII)). См.: *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России. Т. 2. М. — Л., 1931. С. 146.

Энгельса и Ленина. Таким образом в обиход вошло описание идеального государства Платона по Марксу как «афинской идеализации египетской кастовой системы», а его теория познания и метафизика, как и вдохновленная ей долгая традиция идеалистической философии, определялись по Ленину — как «линия Платона»⁴.

Необходимость декларации советскими учеными своей приверженности марксистско-ленинскому подходу к истории философии не только ускорила ниспровержение Платона, но и предопределила судьбу значительного числа его интерпретаторов, принадлежащих к кругу русских либералов XIX—начала XX в., а также западных марксистов-ревизионистов. Среди первых влиятельных русских мыслителей, приговоренных к остракизму, оказались религиозный философ Евгений Трубецкой и правовед Павел Новгородцев. Их высокая оценка социального проекта Платона основывалась на признании нравственной силы его учения. По иронии судьбы их имена оказались ассоциированы с именем историка-модерниста Роберта Пёльмана, автора спорной *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus* (1893–1901). Основные положения этой работы встретили почти единодушное отвержение в русской научной среде, в том числе у Новгородцева и Трубецкого, полагавших, что они представляют собой неоправданно модернизированную интерпретацию «Государства»⁵. Позднее Пёльман, ратовавший за включение класса ремесленников в проект платоновской коммуны, нашел более благодарную аудиторию среди самых первых советских интерпретаторов Платона, пока в середине 1920-х гг. марксистская парадигма не вытеснила все конкурирующие интерпретации. К концу десятилетия процесс изгнания оказавшихся под подозрением интеллектуалов пошел еще дальше, и к списку заклеянной дореволюционной профессуры были добавлены теоретики марксистской школы. Среди подвергшихся гонениям следует назвать имена «ревизионистов» Карла Каутского, Георга Адлера и Макса Беера⁶. Даже беглый обзор монографий и комментаторской литературы, опубликованных между 1923 и 1929 гг. К. П. Новицким, Вячеславом Волгиным и С. Л. Лурье, ясно показывает, что в действительности ниспровержение Платона представляло собой часть значительно более сложного процесса разоблачения политической и идеологической враждебности ряда современных его интерпретаторов⁷.

⁴ Ссылки на Маркса производились по *Das Kapital*, а на Ленина — по резким выпадам, сделанным им в ходе полемики с марксистами-ревизионистами Юшкевичем и Базаровым в работе «Материализм и эмпириокритицизм» (Москва, 1909). Ссылка дается по изданию 1989 г. (Москва, Политиздат, с. 140).

⁵ Русский перевод *Geschichte des antiken Kommunismus und Sozialismus* вышел в 1910 г.

⁶ *Kautsky K. Vorläufer des neuen Sozialismus* (1895, рус. пер. 1906, 1907, 1919); *Adler G. Geschichte des Sozialismus und zur Gegenwart* (1899, рус. пер. 1907, 1913); *Beer M. Allgemeine Geschichte des Sozialismus und der sozialen Kämpfe* (1919, рус. пер. 1927).

⁷ *Новицкий К. Р.* Платон. М.: Красная новь, 1923; *Волгин В. П.* Социализм в Древней Греции. М. — Л., 1925. Волгиным также были написаны «Очерки по истории социализ-

Новицкий, автор исследования «Платон» (1923), и Волгин, опубликовавший две обзорные работы по социализму в Древней Греции (1925 и 1926 гг.), вслед за Каутским фокусировали внимание на темах, созвучных социальной политике первых лет советской власти, в первую очередь — на нередких в «Государстве» высказываниях о равенстве полов, свободе, социальной справедливости, а также предполагаемой симпатии Платона к угнетаемым массам. Более того, оба советских исследователя обнаружили в тексте диалога следы зачаточного понимания значения классовой борьбы. Новицкий интерпретировал восстания беднейших слоев населения в Древней Греции как свидетельство социальной нестабильности процветающих классов, которые, как он подчеркивал, жили под постоянной угрозой социальной революции. Подобным же образом и Волгин, усмотревший разрушительное воздействие взглядов Платона на общество, в котором богатство доступно меньшинству, находил в них хотя и не выраженное прямо, но тем не менее очевидное сочувствие классовой борьбе. По его мнению, уже одно это обстоятельство превращало весь диалог в мощное вдохновляющее средство для строителей социализма современной эпохи. Утопические социалисты усвоили от Платона не только абстрактный принцип «обобществления» как радикальное средство борьбы с частной собственностью, но и «значительную часть его аргументации в защиту коммунизма и против денежного стяжательства»⁸. Однако как только Новицкий и Волгин затрагивали тему принципиального различия концепций коммунизма Платона и Маркса, о себе сразу давала знать их интеллектуальная и идеологическая приверженность марксистскому учению. Их в определенном смысле позитивная оценка античного философа в конечном счете объяснялась тем, что они рассматривали его в качестве далекого предшественника социализма. Действительно, ограниченность платоновского социального идеала, в первую очередь отсутствие в нем рабочего класса и упор на распределении продуктов потребления, а не «средств производства», представляла удобную мишень для марксистски ориентированной критики, которая к концу десятилетия стала строго обязательной.

Новицкий критиковал слепую веру Платона в «философа-царя». По его мнению, это выдавало политическую наивность Платона, которую он невольно передал своим последователям, утопическим социалистам XIX в.⁹ Следуя Марксу, оба советских исследователя обозначали платоновскую модель как «потребительский коммунизм», а Волгин ставил под сомнение само пребывание Платона в коммунистическом пантеоне¹⁰.

ма» (М., 1926) и комментарии к первому тому антологии утопической литературы. См.: Волгин В. П. Предшественники современного социализма в отрывках из их произведений. М. — Л., 1928. С. 14–38, 43–49; Лурье С. Л. История античной общественной мысли. М. — Л., 1929.

⁸ Волгин В. П. Указ. соч. С. 13.

⁹ Новицкий К. Р. Платон. С. 25–26.

¹⁰ Волгин В. П. Социализм в древней Греции. С. 141.

Таким образом, проблема, с которой столкнулись Новицкий и Волгин (как и значительное число ученых конца XIX в.), состояла в том, что социальные принципы Платона были элитарными, аристократическими и имели столь мало связи с реальностью, что вряд ли могли быть осуществлены. Но в той степени, в какой Платон выступал критиком социальной несправедливости, осуждал институт брака, ратовал за равенство полов и справедливое распределение материальных благ, его актуальность для молодого советского общества не вызывала у этих авторов никаких сомнений.

Отстаивание завоеваний Октябрьской революции было первой задачей советских исследователей античности. Однако к концу 1920-х гг. пространство для интеллектуального маневра оказалось весьма ограниченным. Инцидент с Каутским, повлекший перемену по отношению к другим историкам социализма, стал еще одним свидетельством того, что задачи научного исследования постепенно подчинялись политическим целям. Опубликованная Каутским *Die materialistische Geschichtsauffassung* вызвала гнев у советского руководства и привела к полному запрету на упоминание его имени и работ. Это дискредитировало распространенный взгляд на Платона как на предшественника социализма, который Каутский популяризировал в своем «эталонном» исследовании *Vorläufer des neuen Sozialismus* (1895) и который, без сомнения, сформировал подход Новицкого и Волгина. Монография Лурье «История античной общественной мысли», опубликованная вскоре после введения этого запрета, наметила новый подход к проблеме и в конечном итоге отменяла неортодоксальные, «модернистские» интерпретации Каутского, Пёльмана и Беера как «полную ерунду»¹¹. Выбрав в качестве отправной точки концепцию «научного социализма», Лурье ставил перед собой задачу обнаружить в античности следы «рабочего движения» с тем, чтобы обеспечить прямое доказательство материального присутствия рабочего класса, а также выявить следы идеи социализации продукции¹². Неудивительно, что результатом его исследования стало громогласное отрицание значения мысли Платона для исторического развития социализма¹³.

Кроме задач по внедрению ортодоксально-марксистской точки зрения советские исследователи, похоже, учитывали и тот факт, что образ Платона как социального мыслителя был ангажирован национал-социалистической пропагандой в Германии. Как и их советские коллеги, немецкие ученые приветствовали новаторское внедрение Платоном ряда социальных форм — хотя и сожалели об их элитарном характере — и упразднение института брака¹⁴. Можно без труда показать, что в Советской России осозна-

¹¹ Лурье С. Л. История античной общественной мысли. С. 310.

¹² Там же. С. 288.

¹³ Там же. С. 310.

¹⁴ См., напр.: Wunenburger J. J. Platon, ancetre du totalitarisme? Quelques interpretations contemporaines / Images de Platon et lectures de ses oeuvres. Les interpretations de Platon a travers les siecles / Eds. A. Neschke-Hentschke, A. Etienne. P. 435–450.

ние этих параллелей, несмотря на их поверхностность, способствовало пересмотру оценок платоновского социального проекта в качестве базового для коммунизма. Уже после Второй мировой войны Михаил Дынин писал, что в опубликованной в фашистской Германии серии так называемых исследований Платона под видом изучения платонизма пропагандировалась чело­веко­нена­вист­ни­че­ская идеология немецкого фашизма¹⁵. Таким образом, дискредитация Платона, к началу 1930-х гг. ставшая составной частью масштабных атак на «буржуазную» науку, в эпоху прихода Гитлера к власти приобрела новое политическое и идеологическое звучание.

Платон как «отец идеализма» и советская история философии

В «Философских тетрадах» (1915) Ленин писал, что платоновские идеи суть пустые абстракции. Они не могут ни объяснить чувственное восприятие вещей, ни установить их сущность, а учение об идеях не только отвлекает от познания мира вещей, но и оказывает негативное воздействие на развитие научного познания¹⁶. Несмотря на столь резкую критику, Ленин признавал роль Платона в создании диалектического метода. Однако эта оценка не стала результатом прямого обращения к Платону, а была извлечена из разрозненных заметок и выписок из гегелевских «Лекций по истории философии». На этом основании Ленин вынес, вероятно, свой самый роковой вердикт в области истории философии. Представив ее как борьбу двух «тенденций», или «линий», Платона и Демокрита, он на долгое время обеспечил Платону место «антигероя» в науке сталинской эпохи. К середине 1930-х гг. учебные пособия, в которых излагались основные положения платоновского идеализма, были написаны согласно указанным критериям и выверены в свете «партийных» принципов, которые они были призваны отражать. Как следствие, в платоновской «реакционной» философской системе стали видеть прямое продолжение социально-политической и идеологической борьбы между аристократической и демократической партиями в Афинах V в. до н. э. Так, считалось, что Платон «пропагандировал» геометрию с целью «порабощения народа» и защиты интересов аристократии, а его фразу «бог всегда геометризует» следует на самом деле читать как «бог — враг демократического правления»¹⁷. Когда падение репутации Платона достигло крайнего предела, его стали в один голос представлять как политического реакционера, лжеученого, мистика и даже как плагиатора. Его учение об идеях (в «Теэтете»), разработанное им для борьбы с материализмом, в значительной степени строилось на использовании терминов «идея», «логос»,

¹⁵ Дынин М. А. За марксистское изучение античного материализма // Вестник древней истории. № 4. 1948. С. 13.

¹⁶ Эти формулировки Ленина часто воспроизводились в советских работах о Платоне.

¹⁷ Луфье С. Л. Платон и Аристотель о точных науках // Архив истории и техники. Вып. 9. М. — Л., 1936. Цит. по: Платон и его эпоха / Под ред. Ф. Х. Кессиди. М., 1979. С. 251.

«синтез», впервые введенных в употребление его «противником» Демокритом. Обвинения в том, что Платон «воровал у Демокрита», звучали еще в 1920-е гг., но в течение всего нескольких лет они стали частью обильной обвинений, направленных как против самого Платона, так и против его философии. Как писал В. Сereжников, «вся эта надуманная, внутренне противоречивая, детски наивная и научно совершенно несостоятельная система Платона» была направлена «против механистического объяснения мира Демокритом»¹⁸.

Исследование историка философии Георгия Александрова, опубликованное вскоре после выхода «Краткого курса», во многих отношениях представляет собой канонический сталинистский текст. Рассмотрев большую часть положений идеализма Платона с точки зрения его борьбы с материализмом, Александров пришел к следующим легко предсказуемым выводам: платоновское учение об идеях основано на религиозном мировоззрении; оно противоречит научным принципам и препятствует развитию материалистических представлений о природе. Социальные взгляды, высказанные в диалогах «Политик», «Государство» и «Законы», недвусмысленно выдают отсталость и реакционность Платона. Но несмотря на это, «как Сталин показал в своих „Вопросах ленинизма“», единственным достижением Платона был его вклад в создание диалектического метода. И Александров просто цитирует сталинское определение: «Под диалектикой понимали в древности искусство добиться истины путем раскрытия противоречий в суждении противника и преодоления этих противоречий. В древности некоторые философы считали, что раскрытие противоречий в мышлении и столкновение противоположных мнений является лучшим средством обнаружения истины»¹⁹.

Высказанное Александровым преклонение перед Сталиным вряд ли может вызвать удивление. Однако за ним скрывалось много того, что незримо продолжало существовать в сталинской науке. Ярким примером является судьба коллективного труда по античной философии, изданного в рамках многотомной «Истории философии» в 1957 г., но впервые появившегося еще в 1940 г. В нем можно обнаружить как те тенденции в сталинской науке о Платоне, что восходили к дореволюционной традиции, так и такое сомнительное достижение эпохи хрущевской «оттепели», как возрожденный ленинский образ «советского Платона». Официальное издание 1950-х гг. просто воспроизводило стандартную оценку философии Платона, сделанную с точки зрения борьбы с материализмом, которая была лишь смягчена добавлением, что, поскольку в диалек-

¹⁸ Сereжников В. Очерки по истории философии. Т. 1. М. — Л., 1929. Цит. по: Платон и его эпоха. С. 257. См. также: Выгодский М. Платон как математик // Вестник коммунистической академии. Кн. XVI. 1926. С. 192–215; Баммель Г. Демокрит и Платон // Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Кн. 3. М. — Л., 1927. С. 470–479.

¹⁹ Цит. по: Александров Г. Борьба материализма и идеализма в античной философии. М., 1941. С. 47.

тике Платона была высказана догадка о ценности сопоставления противоположных мнений в познании истины, она сыграла значительную роль в развитии диалектики в древнем мире²⁰. Предполагаемый автор главы о Платоне, Михаил Дынник, был одним из участников (наряду с Валентином Асмусом, Орестом Трахтенбергом и Александровым) злополучного проекта 1940 г., представившего не вполне канонический портрет Платона. Особое внимание в этом издании было уделено эволюции мысли греческого философа, что позволило разбить его творчество на четыре главных периода и привлечь к рассмотрению накопленный к тому времени филологический материал. В результате расхожее обвинение в дуализме отошло на задний план; вместо этого внимание советских ученых было сосредоточено на изучении вклада Платона в диалектику «одного» и «многого» в диалоге «Парменид», на который, как правило, обращалось немного внимания в советских исследованиях того времени.

Из-за допущенной вольности в обсуждении мысли Платона это издание было немедленно изъято из обращения, а его авторы и издательские работники были подвергнуты строгой проработке за свои тактические ошибки²¹. Однако сам факт, что такое исследование было написано и даже издано, позволяет сегодня посмотреть иначе на тот стереотипный образ Платона, к созданию которого «официальная» советская история философии, казалось, приложила столько усилий. Даже поверхностный взгляд на учебные пособия, энциклопедические статьи или комментарии к переводам диалогов приводит к выводу, что наука сталинской эпохи помимо воли давала почву для независимого мышления. Например, пространные выдержки из платоновских диалогов, цитировавшиеся в различных учебных пособиях, воспитывали у читателя вкус к запретному плоду и позволяли ему самому судить, соответствует ли прочитанное ими прилагаемому объяснению. Даже в своем официальном обзоре платоновской философии Александров приводит цитаты из «Теэтета», размер которых вряд ли мог быть оправдан задачами критики и вызывает изумление. Точно так же составление антологий по искусству, архитектуре, литературному стилю и языку, наряду с необходимостью осветить вопрос о «средствах производства в древнем мире», давало возможность публиковать необходимые выдержки из различных источников²².

Парадоксальный факт: стремление пригвоздить Платона к позорному столбу на самом деле санкционировало публикацию новых и отредактированных старых переводов диалогов. При этом выбирались те из них, кото-

²⁰ Дынник М. А. Материализм V в. до н. э. и его борьба с идеализмом («Линия Демокрита» и «линия Платона») / История философии. Т. I. М., 1957. С. 108.

²¹ О полемике, вызванной публикацией этого издания, см.: *Batygin G., Devyatko I. The Soviet Philosophical Community and Power: Some Episodes from the Late Forties // Studies in Soviet and East European Thought. Vol. 46, 3. Sept., 1994. P. 233–245.*

²² См., напр., цитаты из I, II, IV, V, VIII, IX книг «Государства» в издании «Античный способ производства в источниках» (Л., 1933); из III и X книг в переводе П. С. Попова в издании «Античные мыслители об искусстве» (М., 1938).

рые могли быть использованы в угоду стремлению сталинской ортодоксии утвердить диалектический метод как базовую науку. Среди таковых оказались фрагменты седьмой книги «Государства», диалоги «Софист», «Пир», «Федон» и «Филеб», которые цитировались Лениным в «Философских тетрадах»²³. Другие платоновские диалоги служили иллюстрацией анти-тетического момента в процессе консолидации историко-философских оснований диалектического материализма и цитировались с целью критики. В этом отношении, например, «Теэтет» и «Тимей» вряд ли могли оказаться в числе фаворитов, поскольку слишком хорошо справлялись с задачей дискредитации чувственного восприятия, которому советская наука отводила главенствующую роль в познании. Выбор переводчиков диалогов Платона также заставляет задуматься о том, сколь значительную роль играл непредсказуемый фактор в развитии советской науки. Одни из них опубликовали свои переводы еще до революции и были давно мертвы. Так, изданная в 1940 г. антология включала выдержки из диалогов «Горгий», «Государство», «Законы», «Критий», «Теэтет» и «Филеб» в переводах, сделанных Владимиром Карповым в 1860-е гг. и Владимиром Соловьевым в 1890-е гг.²⁴ Другие, например, ленинградцы А. И. Доватур, а также поэт и филолог-классик А. Н. Егунов, получили образование еще до революции, а в советскую эпоху владели существованием в качестве маргинализованных «бывших»²⁵.

До и после Октября: премущественность и изменения в восприятии Платона

На первый взгляд оценки философии Платона дореволюционной и сталинской эпох диаметрально противоположны, но более внимательное исследование способно выявить ряд параллелей если и не существенного, то по крайней мере формального характера. Оценка проекта идеального государства Платона была одинаково неоднозначной и у русских религиозных мыслителей, и у советских ученых: у первых — по причине расхождения мысли Платона с их метафизическим идеализмом и из-за того, что представлениям греческого философа о государ-

²³ Перевод «Софиста» был опубликован в 1936 г. Переводы «Пира» датированы 1935, 1939, 1940 и 1947 гг., «Федона» — 1935 г., «Филеба» — 1936 г.

²⁴ Сочинения Платона / Пер. и объясн. проф. В. Н. Карпова. Ч. I–VII. М., 1863–1879; Творения Платона / Пер. Вл. Соловьева и др. Т. I–II. М., 1899–1903.

²⁵ Доватур перевел диалоги «Филеб» и «Софист» в 1936 г. Им также была написана монография «Античные теории языка и стиля: Кратил, Софист, Филеб» (Ленинград, 1936), включавшая в себя цитаты из диалогов. Перевод «Законов» Егунова вышел в 1920-х гг. в незавершенном издании полного собрания сочинений Платона издательства Academia. Его перевод «Государства», так и не появившийся в 1920-х г., был издан в 1971 г. в трехтомном собрании сочинений Платона, вышедшем под редакцией Асмуса и Лосева. О Егунове см.: *Кнабе Г. С.* Гротескный эпилог классической драмы: античность в Ленинграде 20-х гг. // Чтения по истории и теории культуры. Вып. 15. М.: РГГУ, 1996.

стве и социальных отношениях не хватало нравственного фундамента, а это могло привести к пренебрежению «индивидуальным принципом» (Новгородцев), у вторых — из-за изображенной в нем кастовой системы, его элитарности и антинаучного характера. Анализ интерпретаций платоновского идеализма также дает возможность провести формальные параллели между дореволюционной и советской наукой. Например, автор «Философского словаря» (1857–1873) Сильвестр Гогоцкий и издатели «Краткой советской энциклопедии» (1939) одинаково представляют «платонизм» как универсальную систему, составленную из органично соединенных компонентов — диалектики, учения об идеях, физики, этики, увенчанных социально-политическими взглядами Платона.

Для разных поколений русских ученых камнем преткновения был дуализм греческого философа. Владимир Соловьев попытался разрешить эту проблему довольно оригинальным способом, поместив ее в контекст космологии Платона, которую он затем раскрасил в цвета собственных христианских убеждений. Это позволило ему представить платоновский Эрос как далекого предшественника Богочеловечества. Он пришел к выводу, что Платон не сумел перевести потенциал духовно-телесной природы Эроса в то, что он сам называл «воскрешение мертвой природы для вечной жизни». По мнению Соловьева, трагедия Платона состояла в том, что он не смог соединить два мира и потому «остался <...> с пустыми руками — на пустой земле, где правда не живет»²⁶. Советские критики подходили к этой проблеме более прозаически — из эпистемологической перспективы. Как правило, они отстаивали ту точку зрения, что радикальный дуализм Платона был следствием его стремления сохранить сакральный характер своего учения об идеях и его неспособности правильно оценить роль чувственного восприятия в познании материи²⁷. На фоне этой критики исключением выглядело лишь упомянутое выше издание «Истории философии» 1940 г., авторы которого отдали предпочтение обсуждению вклада Платона в создание диалектического метода: совмещение ими философского и филологического анализа и то внимание, которое они уделили эволюции мысли Платона, до некоторой степени воспроизводили подход, использованный Соловьевым и Радловым в ряде статей в философских словарях и энциклопедиях²⁸.

²⁶ Соловьев В. С. Жизненная драма Платона. СПб., 1898.

²⁷ См., напр.: Дильхий М. А. Очерк истории философии классической Греции. М., 1936. С. 186–216.

²⁸ См., напр., статьи Соловьева для «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Эфрона (Т. XXIII (а), СПб., 1898) и Эрнеста Радлова для «Философского словаря» (2-е изд., М., 1913). О других обстоятельствах, связывающих дореволюционные и советские социально-экономические интерпретации «Государства» Платона, см., напр.: Федорович Л. В. История политической экономии с древнейших времен до А. Шмидта / Записки Новороссийского университета. Т. 79. Одесса, 1900. С. 77–85; Шеглов Д. А. Историко-экономические очерки. Государство Платона. Кн. I. 1866. С. 490–511;

Но в целом в сталинскую эпоху доминировало выхолощенное стандартное изображение Платона. Нужно было дождаться конца 1960-х и 1970-х гг., чтобы увидеть более сложное и официально одобренное возрождение мысли Платона, с сопутствующими изданиями монографий, научными конференциями и, не в последнюю очередь, выходом трехтомного собрания сочинений, изданного историком философии Асмусом и филологом-классиком Алексеем Лосевым²⁹. Создается впечатление, что инициатива по переоценке мысли Платона исходила именно от этих двух ученых, особенно от Лосева, попытки которого перевести «объективный идеализм» Платона в «античный объективный идеализм» и вернуть ему подлинный историко-культурный контекст ознаменовали поворотный пункт в реабилитации сверженного идола. Более того, привлеченная Лосевым литература позволяет говорить не только о своего рода возрождении Платона, но и об изменении отношения к его русским интерпретаторам XIX в.³⁰ Отдав дань необходимой в советской практике терминологии вроде «кастовой системы» и «диалектики», Лосев отверг общепринятую критику платоновского дуализма. Основывая свои рассуждения на диалоге «Федр», он доказывал, что благодаря диалектике как методу различения «одного» и «многого» и сведения «многого» к «одному» Платон добился успеха в преодолении главной проблемы дуализма. Лосев еще более усилил свою аргументацию тем, что рассмотрел Платона как «типичного древнего грека». А если учесть, что античное мировоззрение апеллировало к взаимным распрям языческих богов и к драмам религиозных ритуалов, то оппозиция между идеальным и реальным мирами, о которой греческий философ повествовал в своих диалогах, оказывается менее жесткой, чем это может показаться современному читателю.

Лосев писал о Платоне: «Материя оказалась у него в конечном счете прекрасно, идеально организованным чувственным космосом, а иде-

Мишулин А. В. Утопический план аграрной магнезии (по «законам» Платона) // Вестник древней истории. № 3. 1938. С. 92–116.

²⁹ Платон. Собрание сочинений. В 3 т. / Под общ. ред. А. Ф. Лосева и В. Ф. Асмуса. М., 1968–1972. См. также: Лосев А. Ф. Платон / Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 262–269; Асмус В. Ф. История античной философии. М., 1965; Он же. Платон. М., 1975; Платон и его эпоха / Отв. ред. Ф. Х. Кессиди. М., 1979.

³⁰ Например, мы обнаружили дальнейшее эхо энциклопедической статьи Соловьева 1898 г. Соловьев обосновал необходимость перехода от «негативного» к «позитивному» идеализму в мысли Платона, а затем использовал его для организации собственного изложения важнейших разделов философии Платона: начиная с теории познания и диалектики (о которых Соловьев судил по «Теэтету» и VII книге «Государства»), учения об идеях, космологии («Филеб» и «Тимей») и заканчивая разделами по психологии, этике и политике. В свою очередь Лосев начал с изложения онтологии Платона, учения о Едином, Уме и (мировой) Душе, за которым следовало обсуждение вопроса о материи. Затем Лосев перешел к обсуждению теории познания, логики и диалектики, психологии, этики и политики, эстетики, религии и мифологии, что близко соответствует разделам Соловьева.

альный мир — наполненным теми же вещами, людьми, природными и общественными явлениями, но только данными в виде предельно точно сформированных первообразов, вечно неподвижных, но зато вечно изливающих свое осмысление на всю материальную действительность»³¹. И вновь пояснял свою позицию: «Если идеальный мир вечно неподвижен, а материальный вечно движется, то такое противопоставление возможно для Платона только потому, что имеется начало одинаково и неподвижное, и вечно движущее. Это и есть душа космоса и душа всего, что в него входит, она и есть такое идеальное, которое дает способность двигаться и жить всему живому и неживому»³².

Это склоняет к мысли, что в лице Лосева советские исследования Платона, описав круг, вернулись к своему истоку XIX в. Как и Соловьев, Гиляров, Новгородцев и др., Лосев испытывал симпатию к «жизненной драме Платона» и отводил греческому философу роль нравственного авторитета. Тем самым, без сомнения, был ознаменован радикальный отход от преобладавшего в советское время негативного образа Платона — отца идеализма и утопического мыслителя. Кроме того, культурные, исторические и нравственные параметры интерпретации Лосева позволили поправить фокус советской оценки, долгое время сосредоточенной на проблеме применимости платоновской диалектики в области познания и создания научной теории. В некотором смысле низвержение Платона и его частичное воскрешение в период брежневского застоя противоречат марксистской (гегельянской) концепции истории как «законообразного» развития, неумолимо идущего вперед. Можно сказать, что траектория судьбы Платона гораздо более соответствует греческим представлениям, согласно которым история движется по кругу. И действительно, как часто указывали западные историки и советологи, российский и советский опыт реформ и следующих за ними реакции и катастроф позволяет легко провести параллели между царистской и советской эпохами. Пример изменений в отношении к Платону как к главному символу античного мира служит еще одной иллюстрацией завуалированных или неосознаваемых реминисценций дореволюционного мира в советскую эпоху.

Перевод Юрия Тихеева

³¹ Лосев А. Ф. Платон / Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1967. С. 267–268. Эта точка зрения была заимствована Асмусом в его монографии о Платоне, опубликованной в 1975 г. См. выше прим. 29.

³² Лосев А. Ф. Там же. С. 268.